

Въ годовщину скорбнаго дня, въ который русскій театръ потерялъ Комиссаржевскую, вышли двѣ книги, два большихъ сборника «Памяти Комиссаржевской». Въ нихъ интересно разказаны многія подробности о жизни и творческой работѣ В. О., сдѣлана попытка соединенными усилиями нѣсколькихъ близкихъ ее знавшихъ и нѣжно любившихъ уберечь отъ разрушенія временемъ ея чистый образъ и сохранить память о томъ, что съ полной справедливостью названо «подвигомъ ея жизни». Какъ бы ни были сборники богаты недочетами и недостатками, нельзя ихъ не привѣтствовать,—для Комиссаржевской сдѣлано то, чего не сдѣлали для очень и очень многихъ героевъ русскаго театра: въ искреннемъ и правдивомъ, а иногда и образномъ словѣ закрѣпленъ слѣдъ актрисы, чтобы не обратилась она черезъ десятокъ лѣтъ въ нѣкоторый мясъ, какъ это приключилось со столькими другими въ театрѣ. Попробуйте теперь возстановить сколько-нибудь полно фигуры даже такихъ колоссовъ нашей сцены, какъ Мартыновъ или Сергѣй Васильевъ, или Николай Рыбаковъ, — вы въ безнадежности отступите отъ такой задачи. Точно жили они, почти что наши современники, въ какой-то легендарный вѣкъ. И съ печалью думаешь, что вотъ пройдетъ еще немного времени, — и въ такой же мѣрѣ станетъ это неосуществимымъ относительно А. П. Левскаго.

Одинъ изъ сборниковъ «Памяти Комиссаржевской» редактированъ Е. П. Карповымъ, который, какъ режиссеръ Александринскаго театра, былъ близкимъ свидѣтелемъ работы В. О. въ этомъ театрѣ, сразу оцѣнилъ и полюбилъ ея вѣрный талантъ и съ тѣхъ поръ остался съ Комиссаржевской въ тѣсной дружбѣ, хотя пути ихъ художественной дѣятельности значительно разошлись. Г. Карповъ остался на старомъ берегу, а Комиссаржевская унеслась къ инымъ, неяснымъ, но манящимъ берегамъ. Это расхождение сказало отчасти и въ редактированномъ г. Карповымъ сборникѣ, ввелъ въ него кое-гдѣ полемическія ноты, конечно, не по адресу самой В. О., но относительно тѣхъ теченій и броженій въ искусствѣ театра и актера, которыхъ оставшемуся на старомъ берегу не могли не казаться только печальными заблужденіями и которымъ неугомонная, увлекающаяся душа Комиссаржевской отдала столько силъ и восторговъ.

Самому редактору принадлежит, во-первыхъ, вступительный очеркъ сборника, представляющій какъ бы краткій біографическій конспектъ и начинающій свое повѣствованіе съ первыхъ дней жизни будущей знаменитой актрисы. Кроме того г. Карповъ описанъ та полуса сценической жизни В. О., что протекло въ Александринскомъ театрѣ, когда слагалась и сценическая физіономія, и слава Комиссаржевской. То, что предшествовало Петербургу, равнѣ и уже такъ много обшавшіе театральные шаги въ провинціи, въ Новочеркасскѣ, въ Вильнѣ, изображены въ очеркѣ С. Я. Поѣздкамъ по Россіи, въ частности—московскимъ спектаклямъ посвященъ очеркъ г. Окулова-Тамарина; въ другомъ очеркѣ тотъ же авторъ пробуетъ разобраться въ отношеніяхъ В. О. къ себѣ самой, въ ея взглядахъ на театръ и его искусство въ различные моменты ея художественной эволюціи, между прочимъ на томъ важномъ рубежѣ, съ котораго началось служеніе Комиссаржевской и ея театра сценическому модернизму. Этой полосѣ театральной жизни Комиссаржевской посвящены очерки ея брата, О. О. Комиссаржевскаго, на мой взглядъ, самые интересные въ сборникѣ, богатые фактическимъ матеріаломъ, имѣющимъ неоспоримое значеніе не только въ біографіи В. О., но и въ исторіи русскаго театра въ послѣднюю его стадію. Одинъ изъ очерковъ г. Комиссаржевскаго посвященъ поѣздкѣ Комиссаржевской и ея труппы въ Америку, кончившейся такъ печально.

Въ очеркѣ впервые разказаны многія подробности этой поѣздки, тѣ мытарства, какія пришлось перенести тамъ, за океаномъ, Вѣрѣ Федоровнѣ, выслушавшей отъ печати укору за самонадѣянное конкуррированіе со знаменитой русско-американской актрисой Назимовой и т. п. Съ обстоятельностью записаны всѣ подробности «послѣдняго пути» В. О. въ очеркѣ г. Дьяконова. Съ большою силою искренности, съ захватывающею болью описаны тутъ послѣдніе дни и страшная смерть Вѣры Федоровны. Въ своей совокупности перечисленные очерки даютъ какъ бы сценическую біографію знаменитой актрисы, достаточно богатую фактическимъ матеріаломъ. Хорошее дополненіе къ этой коллективной біографіи—списокъ ролей, какія когда-либо играла Комиссаржевская: списокъ придерживается по возможности хронологическаго порядка, начинается десяткомъ волевицей, всякими «Искорками» и «Пашками», кончается «Пиромъ жизни» Пшибышевскаго. Попытки нарисовать образъ Комиссаржевской сдѣланы въ очеркахъ гг. Бѣльева и Ярцева. Одинъ очеркъ, впрочемъ весьма поверхностный, пробуетъ сопоставить Комиссаржевскую съ Чеховымъ. Интересны отрывки изъ писемъ В. О., собранные и сгруппированные г. Бравичемъ (эти отрывки уже были въ печати, вскорѣ послѣ кончины В. О.); большой интересъ имѣютъ нѣсколько писемъ къ Комиссаржевской Чехова. Въ этихъ письмахъ можно найти нѣсколько данныхъ для исторіи «Трехъ сестеръ» и «Вишневаго сада». Про первую Чеховъ между прочимъ писалъ Комиссаржевской: «Пьеса вышла скучная, тягучая, неудобная; говорю—неудобная, потому что въ ней четыре героини, и настроеніе, какъ говорятъ, мрачнѣе мрачнаго». Про «Вишневый садъ» Чеховъ, между прочимъ писалъ: «Въ этой пьесѣ центральная роль—старухи,—къ великому сожалѣнію автора». Сборникъ очень обильно иллюстрированъ: свыше полутораста портретовъ В. О. Но количество не могло не отразиться на качествѣ: воспроизведеніе многихъ фотографій далеко отъ совершенства. Даны еще нѣкоторыя иллюстраціи—домъ Фрея, гдѣ настигла В. О. смерть, видъ могилы, похоронныя процессіи и т. д. Воспроизведено въ факсимиле извѣстное, такъ взволновавшее письмо В. О. къ своей труппѣ, въ которомъ она сообщаетъ о своемъ рѣшеніи уйти изъ театра.

Второй сборникъ, посвященный памяти Комиссаржевской, названъ не безъ затѣйливости — «Алконость», какъ впрочемъ затѣйливо много въ этомъ, по внѣшности чрезвычайно изящномъ и нарядномъ сборникѣ. Затѣйливо и обращеніе издателей (гг. Гайдебурова и Скарской, сестры В. О.) къ публикѣ со ссылкой на «Ариану, которая любитъ восходить на высоту», и манера письма въ нѣсколькихъ статьяхъ,—самого издателя, г. Гайдебурова, въ томъ числѣ.

«Три райскихъ птицы искусства извѣстны были русской древности, три мудрыя райскія птицы: Гамалонъ, птица вѣщая, Сиринъ, птица радости, и птица печали,—райская птица Алконость». Такъ объясняетъ предисловіе имя сборника. Какъ біографическій матеріалъ интересны воспоминанія матери В. О. объ ея дѣтскихъ годахъ, о первыхъ театральныхъ шагахъ; есть интересное и въ очеркѣ г. Гайдебурова «Испытаніе лаврами», но очень его портятъ всякія вычуры, какаютъ нарочитая значительность, а вмѣстѣ съ нею—поверхностная и такъ нендушая къ сборнику «Памяти» общительность и задорность тона. Тѣмъ же, общительностью, грѣшитъ очеркъ г-жи Колтоновской, которая говоритъ о театрѣ В. О. въ пассажѣ. Интересна «Лѣтопись театра на Офицерской», составленная однимъ изъ близкихъ участниковъ этого театра г. Зѣновымъ, раздѣляющимъ всѣ художественныя увлеченія В. О. Въ его глазахъ, въ этомъ театрѣ совершались «подлинныя художественныя мессы». Тому же автору принадлежитъ «Воспоминанія о концѣ». Еще нѣсколько очерковъ съ воспоминаніями и характеристиками. Красиво написанъ небольшой очеркъ Федора Сологуба, подчеркивающій какъ самое важное въ Комиссаржевской, что она всегда «умѣла ставить себѣ цѣли выше своихъ силъ и искать жатвъ тамъ, гдѣ еще никто не сѣялъ». Сборникъ не такъ богатъ портретами, какъ карповскій, но воспроизведены они тутъ много лучше. И вообще весь сборникъ много наряднѣе.

И еще сборникъ о Комиссаржевской. Такъ по крайней мѣрѣ можно заключить по бѣлой обложкѣ пухлаго томка Александра Новосельскаго «Памятникъ Вѣрѣ Комиссаржевской» и ея портретикъ. На титульномъ листѣ заглавіе нѣсколько измѣнено: уже не «Памятникъ», а «Памяти Вѣры Комиссаржевской», и вмѣсто портретика—какая-то клякса, которая, кажется, должна означать силуэтъ. Однако ни первое, ни второе наименованіе не имѣютъ абсолютно никакого отношенія къ тому, что заключено подъ бѣлой обложкой. И Комиссаржевская тутъ ровно ни при чемъ. Почему это называется «Памятникъ Комиссаржевской», а не «Памятникъ Рашели» или еще кому-нибудь, отвѣтить нельзя, потому что о Комиссаржевской въ этой странной книгѣ столько же разговора, какъ и о Рашели, т. е. ровно никакого... О самомъ содержаніи книги говорить не стану и потому, что оно не стоитъ ни въ какой связи съ предметомъ моей замѣтки, да и по самому характеру этого содержанія, которое чѣмъ больше съ нимъ знакомишься, тѣмъ глубже повергаетъ въ недоумѣніе. Кончатъ страннѣе авторъ предложеніемъ «создать такой театръ, гдѣ актера не было бы совсѣмъ», а были бы одиѣ декорации. За актера же пусть работаетъ творчество зрителя... Ну, можетъ ли актриса Комиссаржевская желать лучшаго себѣ «памятника», чѣмъ диссертация г. Новосельскаго о театрѣ безъ актера?..